

Мифы Древнего Египта

Автор:

[Макс Мюллер](#)

Мифы Древнего Египта

Макс Мюллер

Боги, герои, волшебные существа народов мира

Книга Макса Мюллера – фундаментальное исследование египетской мифологии. Автор прослеживает изменения в мистическом сознании древнего человека от первоначального темного иррационального анимизма и фетишизма до развитых форм религиозного мифа. Строго научный подход, обзор обширной литературы по каждой теме, точное цитирование и подробный разбор мельчайших деталей, относящихся к древнейшим магическим обрядам и ритуалам, делают книгу неоценимым подспорьем в изучении истории, религии и мистики Древнего Египта.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Макс Мюллер

Египетская мифология

Моррису Джастроу-мл., д-ру философии университета Пенсильвании, и Альберту Тобиасу Клею, д-ру философии, и Чарльзу Катлеру Торри, д-ру философии Йельского университета

Egyptian Mythology

W. Max Müller

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие автора

Это исследование – лишь набросок огромной темы, которая из-за необъятности и сложности материала довольно поверхностно освещена даже лучшими учеными. Полное освещение ее потребовало бы нескольких томов и чуть не всей жизни исследователя.

Главная трудность состоит в том, чтобы объяснить людям с современным мышлением, как религия может существовать без определенной систематической теории, состоя лишь из бесчисленных гипотез, самых разных и часто противоречивых. Эта теоретическая неопределенность усугубляется способом передачи традиции. Лишь изредка часть мифологии была представлена в полном объеме. По большей части мы имеем многочисленные разрозненные намеки, которые можно объединить в теорию с большой долей допущений. В других отношениях громадный эпиграфический материал представляет такие же трудности. Он так неуклюж по своей природе, что все написанное по религии Египта, как мы только что заявили, просто набросок, так как едва ли вообще можно написать о ней исчерпывающее исследование.

Менее сложную проблему представляет вопрос транскрипции египетских слов и имен, большинство которых дошло до нас в таком виде, что их произношение, особенно в случае с гласными, всегда остается сомнительным, если только у нас

нет надежной более поздней традиции их озвучания. Большая часть египетской лексики известна только таким образом, и во многих случаях мы должны делать слова удобными для произношения, произвольно вставляя в них гласные звуки. Соответственно, я решил, что лучше следовать популярному неправильному произношению имен вроде Nut (Нут), чем создавать новые варианты: Newet, Neuwet и пр. Повсюду, где читатель, незнакомый с восточной системой письма, испытывал бы трудности, я приносил правильность в жертву простоте.

Иногда нам удастся доказать, что позднее и сами египтяне неправильно читали несовершенные иероглифы, но по большей части мы должны придерживаться этих неправильных произношений, хотя сами сознаем их несовершенство. Все это объясняет, почему два любых египтолога так редко соглашаются в произношении слов. Возвращаясь в отчаянии к старомодным методам транскрипции, я искал скорее способа, как избежать этих трудностей, чем как разрешить их.

Для тех, кто, возможно, не знаком с историей Египта, здесь уместно сказать, что ее главная периодизация (не принимая во внимание переходные периоды) такова: Древнее царство (от I до VI династии), около 3400–2500 гг. до н. э.; Среднее царство (от XI до XIII династии), около 2200–1700 гг. до н. э.; Новое царство (XVIII до XXVI династии), около 1600–525 гг. до н. э.

Объем книги не оставляет места для полных ссылок на памятники, и я многие из них опустил. Студент может свериться со списком современной литературы, процитированной мною. были, по возможности, ограничены, в них вошли новые или малоизвестные сведения. Хотя я старался соблюдать краткость и простоту в изложении египетской мифологии, работа содержит большое количество оригинальных изысканий. Я старался уделить больше внимания двум принципам, на которые ранее обращали мало внимания: а) сравнительному методу – египетская религия не была так изолирована в своем развитии, как принято утверждать; б) как во многих других религиях, ее доктрины часто наиболее ярко были выражены в искусстве, а не в текстах, так что современным интерпретаторам следует больше использовать египетские рисунки. Таким образом, я уверен, что эта книга сможет сочетать относительную доступность с научностью и поможет учащимся лучше понимать наиболее интересную часть исторического наследия Египта.

У. Макс Мюллер

Введение

Почти два тысячелетия религия Древнего Египта вызывает интерес западного мира. Когда античные народы утратили веру в религию своих предков, они обратились к «мудрым жрецам» Египта, и определенное уважение к «мудрости Египта» просуществовало вплоть до падения всех языческих религий. Это восхищение получило значительный импульс, когда экспедиция Наполеона открыла величие той замечательной цивилизации, которая когда-то процветала на берегах Нила. Таким образом, сегодня египетский храм многим представляется особенно подходящим местом религиозно-мистического поклонения. Считают, что глубочайшие откровения человеческого разума и самая совершенная нравственность скрыты в причудливых иероглифах, покрывающих обелиски и сфинксы.

Однако основано это распространенное мнение на совершенно ошибочных аргументах. Первый сводится к следующему: религиозная мысль народа, который произвел такую удивительную и многостороннюю цивилизацию, должна, как естественно было бы предположить, достичь тех же высот, что и архитектура, искусство и т. д. Главной причиной таких неоправданных требований было пристрастное отношение античного язычества. Современных читателей следует предостеречь против слепого принятия этой слишком завышенной оценки, так как она в значительной степени основана на чрезмерной непонятности египетской религии, которая в своем сверхконсерватизме абсолютно отказывалась приспособляться к здравому смыслу. Даже страх за умирающее язычество не мог заставить привести в рациональную систему бесконечное число богов и их противоречивые действия или найти оправдание жестокости такой стороне египетской веры, как поклонение животным. И миссионеры христианства выбрали эти самые черты как наглядные иллюстрации безрассудства или дьявольского безумия языческой веры. Однако непонятное всегда притягательно для религиозного ума, и призывы апологетов раннего христианства к одному лишь разуму едва ли способны были целиком уничтожить веру в Исиду и Осириса даже за пределами долины Нила, где эта вера, в отличие от Египта, не поддерживалась много тысячелетий национальными традициями. Тот факт, что сами египтяне

совершенно не способны были свести свою религию к разумной системе, показался римлянам постхристианского периода лучшим доказательством ее мистической глубины. Это же обстоятельство и сейчас, вероятно, впечатляет некоторых людей. Даже после того как получила развитие наука истории религии, ученые не столько исследовали религию Египта с достаточным беспристрастием, сколько постоянно стремились переоценить ее. Конечно, современный студент едва ли станет воспринимать несуразности как удивительные мистические глубины и возводить египетскую религию на первое место среди всех религиозных систем только из-за множества темных мест в ней. Однако часто пытались найти в этой религии более тайный смысл, чем это видели сами египтяне. Прошло немало времени, прежде чем наука отважилась исследовать религиозную «мудрость Египта» критически и воспринимать ее такой, какой она была на самом деле – наследием самых примитивных веков и в значительной степени остатком варварства, от которого египтяне постепенно избавлялись.

Самые ранние египтологи не отважились трактовать египетскую религию, поскольку далеко не полностью понимали иероглифические тексты. Первые дешифровщики, Ж. Ф. Шампольон и сэр Дж. Г. Вилкинсон, продвинулись дальше, чем простые коллекционеры изображений богов. Р. Лепсий предпринял первые слабые попытки исследовать особые главы текстов. Школа французских египтологов, Ж.Ж. Шампольона-Фиджеака, Э. де Руже и П. Пьеррета, пыталась определить религию фараонов как своего рода монотеизм, выводя это умозаключение, как ни странно, из таких эпитетов, как «Великий», «Единственный» или «Вечный», хотя даже эти титулы давали множеству различных богов. По их мысли, чистый монотеизм скрывался под внешними проявлениями символического политеизма, который имел в своей основе веру, что все многочисленные боги в реальности были только различными выражениями одного и того же высшего существа. Ясно, что такие взгляды основывались на конкретных памятниках[1 - О коллекции монотеистических выражений, которые, однако, зачастую ошибочны, см.: Pierret. *Mythologie*. viii; Brugsch. *Religion*. P. 96; Budge. *Gods*. P. 120 ff. О действительном приближении к монотеизму см. гл. 13.], но было бы в высшей степени ошибочно рассматривать их как справедливое мнение или как действительный смысл религии египтян. Когда с течением времени были открыты другие религиозные тексты, религия сама предстала как невероятно жестокая и политеистическая в прямой пропорции к древности даты рассматриваемых документов. Чем старше тексты, тем грубее и примитивнее религиозные взгляды, которые они излагают. Все пантеистические и предположительно монотеистические отрывки представляют только развитие египетской мысли в сравнительно поздний период. Более того,

они были личными размышлениями немногих прогрессивных мыслителей и поэтов и не отражали религию масс. И наконец, они все еще далеко отстоят от реального монотеизма или систематического пантеизма.

Среди ранних египтологов был Х.К. Бругш, но его доказательства были не столь убедительны, чтобы продемонстрировать, что египетская религия изначально была пантеистической. Чтобы поддержать свою теорию, ему пришлось прибегнуть к более смелой идентификации различных божеств, чем когда-то пытались сделать последние египтяне. До него Ле Паж Ренаф подчеркивал космизм пантеона, но его взгляды не нашли подтверждения во вновь открытых наиболее ранних религиозных текстах. Еще раньше Лепсий попытался трактовать египетский политеизм как вырождение солнечного монотеизма или генотеизма (поклонения одному богу при признании существования многих божеств), заняв, таким образом, срединную позицию между ранними французскими учеными и более поздними исследователями. Подобным образом, хоть и принимая более сложное гипотетическое развитие, Дж. Либлейн также строил свою концепцию вокруг голословно утверждаемого вырождения изначальной простоты. Еще несколько похожих теорий, либо утверждающих, что египетский политеизм отчасти (и даже в основном) развился из монотеизма или генотеизма, благодаря местной дифференциации, либо демонстрирующих цель раскрыть космическое происхождение богов, продолжают оказывать влияние на многих новейших авторов. Но, повторяем мы, даже если какие-то элементы более высокой мысли можно найти в текстах, эти разбросанные элементы не относятся к самой ранней форме египетской веры, как можно сейчас увидеть из текстов до 3000 г. до н. э., или же они не затрагивали религию масс даже в самые поздние периоды истории. Чем дальше мы идем в глубь веков, тем более примитивные идеи находим, без малейшего намека на монотеизм. Именно эти грубые понятия преобладали в религии народа, которая и являлась реальным убеждением египтян.

Первый шаг к пониманию глубинной жестокости египетской религии был сделан в 1878 г., когда Р. Питчман[2 - «Der ageptische Fetischdienst und Gotterglaube» в *Zeitschrift fur Ethnologie*, х. 153-182 (1878). Ей предшествовала работа известного французского ученого С. De Brosses, «*Du culte des dieux fetiches*». Paris, 1760.]предложил рассматривать ее истоки как точную параллель к чистому анимизму и фетишизму Центральной Африки, показав в то же время, что подобная религия должна повсюду принимать в основном магический характер. Воздействие этой концепции трудно переоценить. И хотя теория Питчмана вызвала немало возражений и все еще отрицается многими предубежденными учеными и дилетантами, этот автор внес неоценимый вклад в

развитие вопроса, и его точка зрения теперь господствует среди исследователей. Историком, наиболее энергично пропагандирующим эту теорию, был Г. Масперо, чьи многочисленные статьи способствовали более полному познанию и пониманию египетской религии.

Стереотипным возражением против такого приземленного взгляда на египетскую религию является ее контраст со всей цивилизацией египетского народа. Возможно ли, как смело утверждал Масперо, чтобы самый высокоразвитый народ Древнего Востока, народ, уступавший только грекам в своих достижениях, занимал в религии место не выше того, что занято некоторыми варварскими негроидными племенами? Однако развитие цивилизации редко идет параллельно с развитием религиозной мысли. Удивительная цивилизация китайцев, например, совершенно не соответствует весьма примитивному характеру их основной религии. И с другой стороны, народ Израиля, источник величайшего религиозного прогресса, занимал очень скромное место в искусстве и науке до той поры, пока не рассеялся среди неевреев. Более того, религия повсеместно более или менее контролируется традициями прошлого и ищет почву в верованиях и обычаях предыдущих веков. Обычному человеку его предки кажутся более-менее счастливыми и мудрыми, и тем больше, чем дальше назад уходит история, пока, наконец, они не представляются живущими с богами, которые все еще ходят по земле. Ультраконсервативные египтяне особенно заботились о том, чтобы проложить путь к благословенным предкам, чтобы почитать тех же самых богов, которым они поклонялись в незапамятные времена, и поклоняться им в той же самой форме. Так что религия более поздних, высокоразвитых египтян после 3000 г. до н. э. оставалась, как ни печально, похожей на религию их варварских предков. Наше современное знание о состоянии египетской цивилизации около и до 4000 г. до н. э. позволяет показать некий прогресс, включая первые шаги к эволюции иероглифической системы письма. Но примитивная эстетика того века, захоронение мертвых в жалких ямах или в больших кувшинах, строения из соломы и саманных кирпичей и храмы из переплетенных прутьев и рогожи все еще создают резкий контраст к периоду II и III династий, когда египетская архитектура и искусство сделали первые шаги к совершенству века пирамид. Так что мы без колебания помещаем религиозное развитие египтян пятого тысячелетия на уровень обычного африканского язычества. Грубые резные изображения того времени показывают, что большинство, если не все более поздние боги, с их именами, символами и эстетическими типами, уже существовали тогда и были перенесены древней традицией из атавистических времен. Таким образом, мы можем утверждать, что египетский пантеон образовался в самом отдаленном и темном неолитическом (или, возможно, даже

в палеолитическом) веке. И мы можем уверенно рассматривать его как продукт самого примитивного варварства. Может показаться немного странным, что быстрое развитие египетской цивилизации где-то около 3000 г. до н. э. не привело к лучшей систематизации религиозных традиций. Пока неизвестно, какие политические условия произвели столь быструю эволюцию[3 - Если бы влияние оказали азиаты, которые вошли в Египет в значительном количестве, такие завоеватели или иммигранты оставили бы религию коренных жителей совершенно нетронутой, о чем свидетельствуют повторяющиеся параллели в более поздней истории Египта. Это объяснение поспешного развития Египта является, однако, в настоящее время просто гипотезой, которой недостает подтверждения в памятниках.], мы должны удовлетвориться объяснением, которое уже выдвигали, то есть что повсюду консерватизм является одним из наиболее важных факторов в религии и что мышление древних египтян было подчеркнуто консервативным на протяжении всей их истории. Этот консерватизм ярко проиллюстрирован египетским искусством, которое даже во времена наивысшего расцвета не могло освободиться от пут традиционализма и упорно придерживалось детской перспективы первобытного периода, хотя художники века пирамид были способны рисовать совершенно верно и порой делали это. В религиозном искусстве эта приверженность к традиции установила особенно серьезную преграду на пути художественного развития. Соответственно фигуры богов всегда сохраняют более-менее застывший и - в некоторых деталях - по-детски несовершенный стиль раннего периода. Например, все изображения Пта, одного из древнейших богов, восходят к неуклюжему образцу, выдающему век, когда художники еще были не в состоянии отделить руки и ноги от тела. Суровая простота эпохи создания египетской религии, предопределившей ее последующую эволюцию, столь же ясно проявляется в варварских головных уборах божеств[4 - В подобном виде костюм царей представлял реминисценции первобытного периода, в таких украшениях, как длинный хвост, привязанный к их кушкам, или варварские короны.], состоящих из перьев, рогов и сплетенных из тростника корон, равным образом и в простых эмблемах, которые они держат в руках. Это посохи у мужских божеств, оканчивающиеся головой Сета в виде животного, в то время как богини обычно держат стебель цветущего лотоса. Появление оружия в виде атрибута сравнительно редко. Звериный облик большинства египетских богов и происхождение самого животного культа, священные сосуды, странные местные божественные символы, похожие на тотемные эмблемы, и т. д. становятся легко объяснимы, если рассматривать их как реликты варварского века, который мы попытаемся реконструировать в следующей главе.

Глава 1

Местные боги

Анимизм – широко распространенная форма примитивной религии. В ней нет богов, как их понимают в развитых языческих религиях. Это всего лишь вера, что земля и небо наполнены бесчисленными духами, или постоянно находящимися на одном месте, или скитающимися вокруг. Эти духи могут обретать земное существование в телах людей, животных или растений или любого предмета, подходящего по размеру или форме. Как только человек в страхе перед этими примитивными божествами пытается умиловить их жертвоприношениями, они превращаются в покровительствующих духов и фетишей, а затем в богов. Некоторые ученые считают, что все религии берут истоки из примитивного анимизма. Правда это или нет, такое объяснение вполне подходит примитивной египетской религии и объясняет ее огромный и запутанный пантеон. Египтяне исторического периода считали, что всякая часть мира наполнена богами, утверждение, которое в наши дни часто понимали неправильно, как если бы эти боги были космическими, и как будто примитивная разновидность пантеизма лежала в основе этих утверждений. Однако боги, которые жили, например, в воде, как крокодил Себек, божество-гиппопотам Апет и др., не представляли этой стихии. По большей части они просто обитали в потоках воды. Мы обнаруживаем, что громадное большинство древних местных богов противятся всем космическим объяснениям. Они все еще демонстрируют, что когда-то были всего лишь местными духами, чье место обитания первоначально строго ограничивалось. Вначале, вероятно, появлялись духи-хранители для каждого дерева или скалы необычного размера или формы или для каждого дома или поля. Таким духам поклонялись в первую очередь, принося в жертву тот предмет, в котором они обитали, – обычно какой-то особенно заметный предмет в данной местности или животное, которое часто попадалось в этом месте. Многие из этих божеств-охранителей так и не превратились в настоящих богов, то есть не обрели постоянного культа. Переходная стадия проявляется в таких примерах, когда, согласно настенным фиванским росписям, сборщики урожая, работающие в поле, откладывали небольшую часть своей еды в качестве приношения дереву, которое главенствует на этом поле, то есть духу, обитающему в дереве. Или когда они кормили змею, найденную на поле, предполагая, что это нечто более значимое, чем обычное существо[5 - См.: Maspero G. The Dawn of Civilisation. London, 1894. P. 121. Вообще говоря, считалось, что все змеи воплощают духов, а ту, что упомянута в настоящей связи, можно рассматривать как воплощение богини

урожая Рененутет.]. Эта змея, вероятно, исчезала, но, однако, западала в память в этом месте, и оно впоследствии навсегда могло стать священным.

Другая иллюстрация примитивного анимизма, сохранившегося в исторический период, содержится в древнем фрагменте сказки на папирусе из музея Берлина. Пастухи обнаруживают богиню, скрывающуюся в прибрежных зарослях. Они убегают в страхе и зовут мудрого старого главного пастуха, который магическим заклинанием извлекает ее из укрытия. К сожалению, папирус обрывается, когда богиня «появляется в страшном обличье», но мы вновь видим, насколько приземленным оставался термин «бог» в век пирамид и позднее.

Такие примитивные боги, однако, не играли значительной роли в религии исторического периода. Только те из них, которые привлекали более широкое внимание и поклонение которым распространилось от отдельных людей на все поселение, позднее станут называть богами. Мы должны, тем не менее, помнить, что едва ли можно провести теоретическое различие между такими духами, не обладавшими каким-то официальным или постоянным культом, и богами, которым выражали признание постоянными приношениями. Точно так же, как не было реального различия между маленьким деревенским божеством, чьим святилищем была хижина из соломы, и «великим богом», имевшим величественный храм, множество жрецов и богатые жертвоприношения. Если бы мы обладали полной информацией о египетской жизни, мы, конечно, смогли бы проследить тот путь развития, по которому дух или божество, вначале защищавшее только собственность одного крестьянина, постепенно продвигалось до положения бога деревни. А впоследствии, с ростом этой деревни или ее политического успеха, становилось «великим богом», который правил сначала городом, а затем целой провинцией, подчинявшейся этому городу, и которому начинал поклоняться, наконец, весь Египет. Как мы увидим, последнюю ступень можно наблюдать не раз, но первый шаг духа к постоянному поклонению в качестве полноценного бога [6 - Во многих текстах использовали фразу «духи города» вместо «его боги», в особенности для некоторых из самых древних городов, двух самых древних столиц, Буто и Гиераконполя (Педеп и Нехен). Похоже, существовало архаическое выражение, которое использовали с особым уважением. Возможно, оно имело более общее значение, чем «боги». «Руг.», 561 используют слово «ка» для обозначения «душа Ра», то есть слово, которое сознательно применяли, говоря о душах умерших. В других отношениях божественный характер всех отлетевших душ не является таким ясным, как в других анимистических религиях.] ни разу не удавалось проследить по надписям. Действительно, этот процесс обожествления должен был быть очень редок в исторический период, поскольку, как мы уже видели, только божества,

почитавшиеся предками, могли завоевать признание. В более примитивном веке это развитие из духа в бога происходило намного легче. В исторический период мы видим, скорее, противоположный процесс. Великие божества сосредоточили все почитание в своих святилищах и во многом стали причиной того, что местными богами стали пренебрегать, так что они продолжали существовать только в магии и пр. или погружались в пучину забвения. В некоторых случаях культ такого божества и существование его служителей сохранялось благодаря близости с более могущественным богом. Такое божество получало право на более скромное существование в его храме в качестве жены или ребенка. Во многих примерах даже богу высочайшего ранга приходилось терпеть культ незначительного соперника в том же самом городе, иногда в качестве покровителя отдельного квартала или пригорода.

Первоначально столица каждого из сорока двух номов, или округов, Египта, похоже, являлась местом обитания особого великого божества или группы богов, которые были хозяевами и защитниками этого округа. Многие из этих номов сохраняли поклонение своему изначальному божеству вплоть до последнего периода. Жрецы в его местном храме обычно превозносили своего покровителя, как будто он был единственным богом или, по меньшей мере, высшим божеством. Позднее они часто приписывали ему управление всей природой и даже создание всего мира, равно как и самые важные космические функции, особенно это относилось к божествам, имевшим солярный характер. Жрецов совершенно не смущало, что покровитель соседнего нома занимал такое же положение. Нам должно казаться странным, что при этих условиях в надписях не зафиксировано никакого соперничества между богами или их жрецами. Чтобы объяснить эту странную изоляцию местной религии, как правило, утверждали, что в доисторический период каждый из этих номов был родовой организацией или маленьким царством. Более позднее продвижение их божественного покровителя или покровителей свидетельствовало о выживании этой примитивной политической независимости, так как каждое древнее восточное государство обладало своим национальным богом и поклонялось ему[7 - Каждый египетский ном имел одно или два собственных табу. Так, в одном месте местной «гадостью» считали мед, в то время как в других табу были особые куски мяса, такие как печень или даже задние части всего скота. Во многих местах запрещено было упоминать голову или кровь, но, поскольку употребления обоих слов, похоже, избегали во всем Египте, можно предположить, что запрет особенно строго соблюдался в определенных местах, и это же относится к некоторым сексуальным грехам, упомянутым в списках табу нома. Многие запреты, должно быть, происходили от табу благочестия, как, например, нанесение вреда овце, которое было запрещено в одном районе.

Конечно, резко отрицательное отношение к соколу, зафиксированное в одной местности, не означает его нечистоты, поскольку птица считалась священной во всех областях Египта. Другие случаи, как, например, с гиппопотамом, газелью и пр., следует, видимо, понимать как следствие проклятий. «Зажигать свет днем» также объявлялось местным грехом. Все в целом, таким образом, во многом остается неясным.]. Однако даже главного покровителя нома часто переводили во второй или третий ранг в пользу местного идола. Это распространилось до такой степени, что считалось, будто каждый египтянин поклоняется прежде всего своему «городскому богу» (или богам), независимо от характера этого божества. Поскольку каждое из более крупных поселений таким образом поклонялось местному духу-покровителю или божеству, не определяя его точного отношения к богам других сообществ, мы можем с значительной долей вероятности утверждать, что в первобытный период деревенский бог превосходил городского бога и что бог селения и семьи был хорошо известен. В те давние времена силам природы, похоже, не поклонялись. Такие условия объяснимы только с точки зрения анимизма[8 - Религия Вавилона точно так же предоставляет безошибочные свидетельства первоначальной анимистической основы, хотя она раньше адаптировалась к космическим теориям и лучше систематизирована, чем религия Египта. Ученые часто пытались найти следы тотемизма в символах богов, городов и районов Египта. Такая интерпретация особенно соблазнительна, когда эти эмблемы, прикрепленные к знамени как герб номов, представляют животное или растение. Единственное, о чем мы можем с уверенностью заявить, что египтяне в исторический период не знали тотемного объяснения этих символов. Их применение было всеобщим или местным, но никогда не родовым, подобно тотемным символам первобытных народов. Об интерпретации тотемизма в целом в настоящее время ведутся споры и дискуссии.]. Это также согласуется с тенденцией искать богов преимущественно в виде животных и с теми странными предметами, в образе которых представляли других божеств.

Широко распространенное, исключительное поклонение в каждом поселении местному духу не могло существовать очень долго. В стране, которая никогда не испытывала тяги к индивидуализму, семейный дух не мог соревноваться с покровителем общины. И соответственно, когда на более высокой стадии развития было образовано правительство, в многочисленных селениях местным божествам пришлось сдать позиции богам городов, которые превосходили местные божества по размеру или по политической важности. Мы часто можем наблюдать, как лицо, сделавшееся властителем Египта или большей части его, возвышало своего городского бога над всеми подобными божествами египетского пантеона. Например, таинственный город Фивы, внезапно ставший

столицей Египта, сделал своего местного бога, Амона, главным в египетском пантеоне, так что его называли господином над всем миром. Уважение, оказываемое особому покровителю царя и его предков, торжественные религиозные обряды, с которыми воздавали почести этому покровителю новая династия и чиновники, происходившие с родины царя, а также власть других городов вскоре распространяли почитание особого бога фараона на все царство. Нового бога не просто почитали наряду с местными божествами, но часто он подменял их и был даже способен занять место древних покровителей номов. В таком положении мы находим, например, Хнума, бога первого и одиннадцатого номов, Хатхор, чье почитание сначала распространялось только на Средний Египет (шестой, седьмой и десятый номы), также на самые северные номы Верхнего Египта (двадцать второй) и на один ном Нижнего Египта (третий). В то время как Амон из Фив, который, как мы только что видели, выдвинулся только после 2000 г. до н. э., царствовал позднее не меньше чем в четырех номах Дельты. Это объясняется исключительной продолжительностью столичного положения Фив, которое не прерывалось с 2000-х до 1800-х и с 1600-х до 1100-х гг. до н. э. Однако консервативным египтянам даже это долгое господство фиванских богов не помогло упорядочить свои религиозные верования в пользу этих богов, и было всего лишь свергнуто несколько местных божеств.

Рис 1. Триада из Элефантины: Хнум, Сатис и Анукет

Как мы уже говорили, трудности сохранения отдельных культов, вкуче с другими причинами, очень рано привели жрецов к необходимости объединять несколько божеств вместе, в одном храме, как божественную семью, обычно в качестве триады отца, матери и сына[9 - Такие триады также имелись в Вавилоне. Совершенно неправильно называть египетскую или вавилонскую триаду троицей в христианском смысле.]. Гораздо реже бог мог иметь две жены (как в Элефантине, а иногда в Фивах)[10 - Иногда фиванской триадой считались Амон, Амонет и Мут. В этом примере младшее мужское божество Хонсу, которое входило в триаду, здесь заменено Амонет, чтобы избежать превышения традиционного числа три.]. В том случае, когда богиня была слишком известна, чтобы удовлетвориться вторым местом в качестве жены бога, ее объединяли с меньшим божеством мужского пола в качестве ее сына (как в Дендере). Можно утверждать, что все эти группы были образованы богами, которые

первоначально являлись соседями. Развитие групп из девяти богов (возможно, первоначально тройных триад) явно произошло намного позднее.

Пока местным богам не присваивали какой бы то ни было космической роли, их фигуры не были мифологичны. Даже такое повсеместно почитаемое божество, как крокодил Себек, например, не проявлял никаких мифологических свойств. О большинстве богов мы не знаем никаких мифов, что объясняется не случайной потерей информации, как считали некоторые египтологи, но тем фактом, что божества действительно обладали, в лучшем случае, очень скудной мифологией. Таким образом, единственными местными божествами, способными к мифологической жизни, оказались те, что были связаны с культом солнца или Осириса.

Возможный след примитивной простоты можно увидеть в том, что некоторые боги не имели, собственно говоря, даже имен, но их называли по месту поклонения. Так, имя богини в образе кошки Убастет означает только «Та, что из города Бубастис», как будто ее очень долго почитали там без реального имени, называя, возможно, просто «богиней». И вновь, бог Хентиментиу («Первый из жителей Запада», то есть умерших)[11 - Так всегда писали в период Древнего царства. Только в более позднее время имя приобрело значение «Владыка Запада» (то есть царства мертвых, *amentet*) или «Тот, кто перед своими (!) жителями Запада» («Pyr.», 285).], который был первоначально черным псом, похоже, получил свое имя просто от местоположения его святилища неподалеку от некрополя на западе от Тиниса. Эти примеры, однако, допускают другие объяснения – более раннее имя могло выйти из употребления[12 - Весьма вероятно, что благоговение перед произнесением священного имени позднее исчезло. Мы не обнаружим такого трепета в исторический период Египта, когда божественное имя использовали (и поносили) прямо пропорционально его святости. С другой стороны, имена некоторых древних богов, похоже, исчезли в очень ранний период. Так, крокодил со страусовым пером, которому когда-то поклонялись в Дендере, оставался на штандарте нома, но его имя было настолько забыто, что позднее его держали как символ покорения Сета (здесь смело идентифицированного с Себеком) Гором (в этом примере пояснением является символическое перо; см.: Mariette. *Denderah*. iii. 78). Божественное имя разошлось по трем противоречивым путям («Pyr.», 1017, 1719 и пр.), так что мы должны заключить, что оно было незнакомо посвященным уже в 3000 г. до н. э., могло иметь много параллелей в именах двойного проявления или чтения в самых ранних иероглифических надписях.]. Имена вроде птицеголового бога «Тот, который под кустом клещевины» создают у нас впечатление чего-то очень примитивного[13 - Mariette. *Les Mastaba*. P. 112; Lepsius. *Denkmaler*. iii. 279 (около

Мемфиса?).]. Нередко случалось разделение божества на два или больше персонажа в зависимости от числа мест его почитания. Но, за исключением очень редких случаев, вроде доисторической дифференциации Мина и Амона, оно не имело радикального результата. В примерах, известных из исторического периода, форма, выделявшаяся таким образом, чрезвычайно редко получала новое божественное имя. Гор и Хатхор особого места почитания обычно оставались Гором и Хатхор, так что такие различия не способны были развить обильный политеизм из более простой системы.

Рис 2. Некоторые боги доисторического Египта, культ которых позднее прекратился:

a, b – божество с птичьей головой(в основном использовали как амулет); c, d – двойной бык;

e – неизвестный бог с головой быка; f- карликовое божество

Таким образом, мы постоянно сталкиваемся с одним и тем же результатом: чем ближе подбираемся к первоначальному состоянию Египта, тем больше обнаруживаем, что его религией является бесконечный и несистематизированный политеизм, который выдает, как описано выше, исконную анимистическую основу. Вся трудность понимания религии исторического периода заключается в факте, что она всегда балансировала между этой примитивной стадией и более развитым типом, космической концепцией богов, делая это столь неловко, что ничего подобного мы не найдем в какой-либо другой национальной религии. Другими словами, особая ценность древней египетской религии состоит в том, что она образует чистейший пример перехода от взглядов самых примитивных племен человечества к следующему, более высокому религиозному развитию, как представлено особенно в религии Вавилона.

Поклонение солнцу

Беря анимизм как основу самой ранней стадии египетской религии, мы должны предположить, что основные космические силы легко поддавались персонификации и считались божественными. Народ, который обожествляет каждое примечательное дерево или камень, с еще большей готовностью будет поклоняться солнцу, луне, звездам и тому подобному. Самые ранние египтяне, вероятно, так и делали и, возможно, даже признавали, что эти космические духи были великими богами. Поначалу они, похоже, думали о принесении им жертв не больше, чем принято на анимистической стадии религии многими примитивными народами, которые не соединяют религиозные мысли с великими космическими явлениями. Объяснялось ли это тем, что силы, которые человек созерцает каждый день, кажутся значительно менее таинственными, а следовательно, и менее божественными, чем духи – хранители города? Или же местные духи кажутся ближе человеку и, таким образом, более заинтересованы в его благополучии, чем космические боги, слишком великие и слишком далекие от обычного смертного? В любом случае, мы наблюдаем, например, что в исторический период бога земли (Геба) описывали как отца всех богов и как одного из наиболее важных персонажей пантеона, но, несмотря на это, он, похоже, не имел в период Нового царства собственных храмов. То же самое произошло с богом Нуном (первозданным водным хаосом), хотя его объявляли самым древним и самым мудрым из всех богов, и т. д. Из-за этих несоответствий более поздние попытки преобразовать старых местных духов и фетишей в воплощение космических сил доказывают, что подобной персонификации не существовало в доисторический период, в котором оставило след большинство египетских культов, и это подтверждает общее отсутствие благоговения перед космическими силами. Сомнительно даже, было ли изначально значимо поклонение богу-солнцу, хотя луне и уделялось кое-какое внимание в исторический период. Смешение трех планет под одним именем снова делает очевидным, что никакой их культ не пришел из древности.

Рис 3. Бог-солнце, наблюдающий за появлением своего диска в восточных воротах неба

Между тем первые попытки философского мышления, которыми сопровождалось развитие египетской цивилизации, привели к более пристальному созерцанию природы и к более высокой оценке ее. Хотя мы обнаруживаем следы разнообразных попыток создать пантеон космических богов, все же сколько-нибудь удовлетворительной системы никогда не существовало. Большая часть пантеона или так и не стала космической или, как было сказано выше, лишь безуспешно пыталась стать космической.

Первым из всех космических сил всеобщим поклонением стало пользоваться солнце, чьи лучи с такой силой сияли в Египте. В самых ранних попытках персонифицировать солнце его отождествляли с богом-соколом и описывали как сокола, который ежедневно пролетает по небу. Отсюда две самые популярные формы солнечного божества, Ра и Гор, которые имеют облик сокола или сокола (позднее иногда также льва с головой сокола). У обоих божеств было так много храмов в исторический период, что мы не можем определить первоначальное место его поклонения. В начале династического периода Гор, видимо, был богом-солнцем, которому чаще всего поклонялись в Египте [14 - О его более поздней роли в мифе об Осирисе как сыне, вновь воплотившемся, и мстителе за Осириса см. ниже в главе 5, где критикуется популярная сейчас теория, что крылатый диск Эдфу является самой ранней формой Гора]. Хотя Ра не обрел официального признания до более позднего времени - II и III династий, тем не менее он, похоже, был более древней персонификацией солнца, поскольку его имя украшает популярное изображение солнечного диска.

Рис 4. Изображение Хепри в человеческом образе

Менее популярным является воплощение солнца Хепри (Хепер в более ранней орфографии), в виде скарабея, катящего свой шар (солнце) по небу, или мужчины, который носит скарабея на голове или вместо головы. Позднее теологи стремились гармонизировать эту идею с другими представлениями о боге-солнце, объясняя Хепри как более слабое солнце, то есть то, которое появляется утром, когда образуется солнечный диск, или иногда вечером, или даже как ночное солнце в зачаточном состоянии за горизонтом [15 - Интерпретация, очевидно, основана на этимологической связи с корнем *khoper* «становиться, быть образованным». Эта этимология ведет также к объяснению

имени как «Тот, кто образует себя, рожденный самим собой», как позднее называли бога-солнце. О самой ранней орфографии, Kherger, см.: «Pug.», 1210, 2079.], когда оно пересекает области мертвых и сияет в подземном царстве. Когда бог-скарабей тащит за собой второй шар или несет два шара, когда он летит поперек неба, он символизирует утреннее и вечернее солнце [16 - Локализация Хепри в Гелиополе едва ли первична, так как Атум был более ранним солярным богом этого места.].

Рис 5. Хепри как младенец-солнце

В самый ранний период солнце также описывали как мужчину, чье лицо, глаз или украшенная голова были телом солнца. В этом случае его сравнивали с уреем (изображением змеи на короне фараона), огненной гадюкой, обвившейся вокруг бровей фараона, как символ его абсолютной власти над жизнью и смертью. Когда, как мы увидим, бога-солнце жалит змея, пока он пересекает небо по своему пути, это просто более поздняя вариация мифа, которая сочетает интерпретацию солнца как глаза (который может быть утрачен) и змеи. Наибольшей популярностью, однако, пользовался образ солнца, плывущего в ладье (которая, возможно, заняла место более раннего двойного плота) [17 - Некоторые тексты, похоже, понимают, что два *sekhnui* солнца должны быть сходнями или чем-то в этом роде. «Pug.», 337 говорят, например: «Сбрось две сходни (*sekhnui*) с неба для бога-солнца, чтобы он мог плыть к (восточному) горизонту». Затем их число удваивается, и они располагаются на четырех основных точках (см.: «Pug.», 464). «Эти четыре чистые сходни спускают для Осириса, когда он идет на небо, плывя под парусами к прохладному месту». Позднее их имена перенесли на четыре колонны неба. Первоначальное значение слова, похоже, очень скоро сделалось неясным. На самых ранних рисунках ясно (Petrie. Royal Tombs, ii, таблицы X–XI), что это плетеная циновка, свешивающаяся с кормы солнечной ладьи.] по небу, представлявшемуся голубой рекой или озером, которое является продолжением моря или Нила.

Рис 6. Хепри с двойным солнцем

На носу этой солнечной ладьи мы часто находим любопытную деталь, иногда представленную как ковер или подстилка [18 - Очень позднее искусство даже пытается превратить это в занавес из бусин или украшение, символизирующее лучи солнца (например, Beneedite. Philae, таблица XLIII); это может выглядеть также как черная табличка, украшенная звездами (Папирус Ани).], на которой сидит бог, часто дублирующий, таким образом, себя самого, сидящего под навесом. Эта деталь все еще ждет объяснения. Божество может быть или единственным обитателем ладьи, которая движется сама по себе, или он гребет веслами. Иногда его сопровождают множество известных богов, в особенности гелиопольской Великой девятки, и персонификаций мудрости и т. п. В последнем случае на большой ладье, которая в одном тексте [19 - «Pyr.», 1209. Цифровой символизм интересен.] описана как имеющая семьсот семьдесят кубитов в длину, гребут веслами многочисленные боги и души царей и других (первоначально особо выдающихся) умерших, «последователей Гора» или «Ра» [20 - Позднее это выражение теряет свою первоначальную силу, так что все праведные умершие ожидали, что присоединятся к избранным, которые плывут в ладье солнца.], то есть бога, которому принадлежала ладья солнца. «Книга врат» [21 - Vonomi и Sharpe. Oimeneptah, таблица XI.] возвращается к древней идее, объясняя, что «никогда не исчезающие звезды» (то есть избранные души) становятся днем гребцами солнца. Потом солнце может оставаться в каюте, в виде диска, в котором может восседать на троне сам бог, или предстать в виде урея змеи, символа огня.

Рис 7. Бог-солнце гребет, перевозя душу умершего по небу

В последней форме он может также обвиться вокруг носа ладьи, каюты или любой части судна. На одном рисунке двойной змей действительно образует лодку, которая везет звезды солнца, то есть символ его дневного пути (см. ниже о двойной природе змеи). Согласно чрезвычайно древнему представлению, которое встречается, например, на известной табличке из слоновой кости царя Менеса, смешивается человеческий облик солнца с его соколиным обликом, так

что солнечная птица плывет в каюте громадного корабля, как будто у нее нет крыльев.

На своем ежедневном пути ладья солнца сталкивается с приключениями и противниками, которые явно символизируют облака и затмения. Еще опаснее его путешествие становится ночью, когда солнце проходит гряды западных гор, границу земли и вступает во враждебную темноту. Однако утром оно всегда появляется над восточными горами как победитель. Само солнце и его отважные гребцы и воины рассеивают всех соперников, успешно проплывая по подземному руслу Нила или пересекая бездонный океан, в который солнце погружается по вечерам [22 - Эти войны больше соответствуют более поздней мифологии; см. в главе 5.]. Ночью бог-солнце освещает области мертвых, которые на время пробуждаются ото сна, когда над ними сияют его лучи. Иногда считали, что они буксируют ладью солнца через мертвые или безветренные подземные воды или через особенно трудные участки их [23 - Более ранним представлением было, что в течение ночи ладью солнца волокут шакалы «в гору, в потаенное место» (Магический папирус Харриса, 5). Это, как и идея о «шакальях (озерах)» («Руг.», 1164, 1457) или «шакальях полях», в которые опускается солнце, кажется, датируется периодом, когда собака или шакал Анубиса (уже, возможно, идентифицированного с Офоисом) был единственным правителем подземного мира. Ср. шакалов у «озера жизни» (Bonomi и Sharpe. Oimeneptah, таблица VIII). Веревка вокруг шеи таких шакалов-богов, похоже, намекает на буксировку солнечной ладьи.] или помогают там богу против его врагов. По ночам солнце может также отдыхать в своем особом жилище в подземном мире, на «острове пламени» [24 - Позднее, благодаря неправильному прочтению, «пылающий остров» или «остров пламени» толковали как «озеро пламени» или «канал пламени». Первый становится местом мучения для грешников, в то время как последний развивается в тот участок подземного водного пути, где солнце борется со своим дьявольским противником Апопом. Теологи также пытались различать другие части океана, где солнце садится или встает, то есть «озера растущего (или Хепри?) Хекет или Сокара» (Virey. Tombeau de Rekhmara, таблица XXIV). Четыре озера (там же, таблица XXVII) относятся к четырем источникам Нила, как места рождения солнца.], где его огненная сущность находит достойное пристанище.

Рис 8. Звезда как гребец солнца днем

Рис 9. Ладья солнца в виде двойной змеи

Точнее говоря, бог-солнце имеет две разных ладьи: одну – Манджет – днем, а другую – Месектет [25 - Или Мезе(н)хтет; ср.: P. Lacaue, в RT xxv. 152 (1903), о сомнительном произнесении этого имени.] – ночью. Иногда он входит на «вечернюю ладью» днем. Это различие понять не менее трудно, чем более позднюю дифференциацию солнца на три различные особи в дневное время, когда утром его называют Гором (или Harakhti, «Гор Горизонта»), в полдень – Ра (его обычное имя) и ближе к вечеру – Атум(у). Последняя форма, взятая от местного бога Гелиополя [26 - Это странная черта, поскольку Гелиополь, место поклонения этой последней местной форме солнца, был расположен у восточной границы Дельты, так что можно было бы ожидать, что он представляет утреннее появление. Возможно, что Атум был самой ранней соляризацией местного бога Нижнего Египта, так что он мог представлять старое солнце, совсем как Ра в некоторых из более поздних мифов (см. следующий комментарий).], изображается в виде человека, очень редко в самом старом облике Атума как ихневмона (фараоновой мыши, мангуста). На прилагаемом рисунке этот бог вечернего солнца изображен в его первоначальной животной форме возле закрытых западных ворот неба, построенных на горе запада. Мы уже видели, что имя Хепри использовали для более слабых проявлений солнца. Позднее Ра, как самое древнее имя, также употреблялось больше для слабого и престарелого солнца [27 - См. мифы, рассказывающие, почему боги удалились с земли (глава 4 (III)). По этой причине наиболее поздние тексты приравнивают Ра к слабому и сброшенному с трона Кроносу классической мифологии.]; в то время как умирающее солнце вечера и умершее солнце ночи идентифицировали с Осирисом, как мы увидим в главе о мифе об Осирисе. Воплощение солнца фигурой с головой барана во время его ночного путешествия через подземный мир походя относится только к Новому царству [28 - Особое имя, данное этой форме с головой барана, Ef, Euf, еще не может быть окончательно разъяснено. Позднее солнце, снова как Хнума, часто представляют с четырьмя головами барана, возможно по аналогии с четырьмя мифологическими источниками подземных рукавов Нила.]. Очевидно, солнце здесь соотносится с Хнумом, стражем вод, приходящим из подземного мира, и господином Аида. Солнце в ночное время пропадает в темном царстве Хнума и соединяется с ним. Изображение солнца в виде благоуханного пламени фимиама, похоже, находит

свое объяснение в том факте, что светило встает на востоке, откуда привозят пряности и благовония.

Рис 10. Бог-солнце ночью. Бога в его ладье с «Мудрецом» и «Волшебником» тащат «духи подземного мира»

После 2000 г. до н. э. поклонение солнцу, благодаря возрастающей официальной моде, стало настолько господствующим, что с солнцем или его фазой отождествляли почти каждого бога, который не получил ясной космической функции в предшествующую эпоху. Таким образом, большинство местных божеств получили, наконец, объяснение в качестве различных проявлений солнца как «члены» Ра или как его «души». Попытки систематизировать эти проявления показывают, что такой великий бог, как солнце, имеет семь или четырнадцать душ или двойников [29 - Эти номера можно проследить до разделения месяца на семь и четырнадцать, которые соответствуют и солнечной, и лунной хронологии.]. Позднее отождествление с солнцем, конечно, намного превзошло эти числа.

Рис 11. Атум возле Западных ворот неба

Несколько более скромное место приписывается богу-солнцу, когда он параллелен луне. Каждое из этих великих светил является глазом небесного бога, хотя это небесное божество все еще носит имя бога-солнца, как господина неба, обычно Гора (откуда его также называют «Гор Двух Глаз»), более редко Ра или других олицетворений солнца [30 - См.: Lefebure?. *Le Mythe osirien. i. Les Yeux d'Horus*. Paris, 1874.]. Тот факт, что за один раз это небесное божество показывает только один глаз, объясняется различными мифами, которые, как мы увидим позднее, подробно объясняют, как бог-солнце потерял глаз. Согласно верованию, которое господствовало позднее и которое приспособили к мифу об Осирисе, это случилось в битве с Сетом [31 - Об изображении бога-солнца,

сидящего на своей лестнице и с единственным глазом вместо головы, см.: Mariette. Denderah. iv. 78.].

Египетское слово «глаз» женского рода, диск солнца могли также относить к женскому роду. Теория относительно солнца приходит к тому же самому общему заключению, о котором уже упоминалось: солнечную орбиту сравнивают с огненным змеем, «ar'et» (урей у греков и римлян), которого фараон, представитель бога-солнца на земле, носил как повязку на лбу. Воспринимая урей как символ огня, этого змея первоначально представляли как украшение на лбу или как обитателя солнечной ладьи или небесного бога, но вскоре его столь полно идентифицировали со сверкающим глазом солнца, что «глаз» и «змей» стали синонимами. Так оба глаза небесного бога были отождествлены со змеями, несмотря на более мягкий свет луны. Часто представляли, что лоб солнца украшают два урея, точно так же, как они иногда украшали фараона. Эти два глаза или две змеи часто называют «дочерьми бога-солнца» [32 - Трудно определить, до какой степени азиатская концепция планеты Венеры как дочери солнца и женский род солнца в некоторых азиатских языках и религиозных системах могли влиять на египетское развитие в этом отношении.], и ниже мы найдем миф об этих двух соперничающих дочерях. (См. также рис. 9, на котором изображен двойной змей в виде ладьи, которая везет лестницу бога-солнца.)

Все эти изображения представляли способы соляризации женских божеств. Главные богини, которых считали солярными и описывали как дочь, глаз, змею или корону солнца, были Тефнут, Сохмет и Бастет, чьи животные обличья (львица для первой и второй и кошка для третьей) также, похоже, способствовали ассоциации их с дневным светилом, потому что бога-солнце часто изображали в виде льва. Более того, Хатхор, Исида и другие небесные богини иногда обнаруживают тенденцию к такой солярной интерпретации, точно так же, как мужские божества вроде Гора парят между солнечной и небесной функциями [33 - Возможно, что «женское солнце», Re'et или «Re'et двух стран» (Raut-Taui), произошло из этих двух индивидуализации солнечного ока. Однако это могло быть просто тенденцией к разделению богов, особенно космического характера, на мужское божество и его женскую супругу, как мы находим Амона-Амонет, Анупа-Анупет и пр. Во всяком случае, божество Re'et, которому поклонялись как младшему божеству в Гелиополе и некоторых других местах, имеет обычно человеческую голову, и к нему относятся как к небесной богине, о чем свидетельствует ее голова, снабженная рогами и солнечным диском. Иногда она также является аналогом Тефнут с головой львицы.]. Мы должны, однако, обратить внимание на то, что все женские персонификации солнца не оказывали реального влияния на мышление египтян, которые

считали, что солнце является мужским божеством. Эти соляризации женских божеств, возможно, относятся к ранним быстро проходящим попыткам, чья история еще не ясна. Миф о глазе солнца, как дочери, которая преднамеренно бросает своего отца, см. ниже, так же как и другие легенды о пораненном (или ослепшем) глазе бога-солнца, который эвфемистически называют «здоровый, неповрежденный» (*uzat, uzait*), потому что его нельзя повреждать постоянно.

В религиозной поэзии также все хорошее и полезное называют «глазом солнца», то ли потому, что жизнь обязана своим существованием лучам великого небесного тела, как красочно заявлено в некоторых гимнах, то ли, возможно, также потому, что глаз, вырванный и упавший на землю, создал жизнь.

Существовал большой разброс мнений о времени, когда солнце пришло в мир. Некоторые считали, что солнце развилось прямо из первозданного хаоса и создало (или, по меньшей мере, организовало) весь мир, произведя на свет богов. Другие утверждали, что (особенно в более поздней солярной форме Осириса) солнце возникло в результате первичного разделения неба и земли, двух величайших космических сил. В любом случае, солнце всегда рассматривали как создателя людей, которые «произошли из его глаз(а)» способом, который по-разному интерпретировался египтянами, и как бога, который (один или через своего помощника Тота) организовал мир, по крайней мере в его нынешней форме.

Наиболее священным предметом для бога-солнца был сверкающий металл – золото. Он играл важную роль в религиозной символике [34 - Первоначальное значение этого символизма иногда понимали неправильно из-за того, что Сет пришел из «золотого города» Омбоса.], и такая богиня, как Хатхор, была связана с солнцем эпитетом, похожим на «золотая».

Господствующее почитание солнца повлияло на всю египетскую религию и присутствовало во всех культах местных богов еще до того, как вошло в моду объяснять большинство богов как солярных. Так, пара монолитных красных обелисков, возвышавшихся перед воротами египетских храмов, первоначально просто символизировала границы солнечного пути и особенно его ежегодных пределов, равноденствий. Объяснялось, что солнце имеет два обелиска на земле и два на небе [35 - «Руг.», 391; также 1178. Два обелиска в небе также называли «двумя метками или знаками (то есть границами) могущества» (*sekhtui*), – фраза, которую позднее египтяне не понимали и переводили механически как «два скипетра» (Spiegelberg W. RTxxvi. 163(1904).]. Только одну из этих колонн,

вероятно, считали действительно важной. Косвенное указание на это, несомненно, обнаруживается в громадных монолитах, напоминающих обелиски на кубическом основании, которые только цари V династии воздвигали в честь Ра, потому что они, похоже, называли его своим предком более буквально, чем другие царские семьи [36 - О божественном происхождении и почитании всех царей см. в главе 9.]. Позднее всем обелискам поклонялись так же, как знакам присутствия солнца на земле [37 - Bissing W. von, в RT xxiv. 167 (1902).].

Он (Un<u?>, Eup<u?> в наиболее ранней орфографии), самый древний и самый священный город Египта, «Город Солнца» – Гелиополь греков, был главным местом солярной мифологии, хотя общее имя бога-солнца, Ра, похоже, даже там постепенно, лишь после 2000 г. до н. э., заменило старинное местное божество, Атума. В Гелиополе находился земной поверженный Небесного дерева, священного фруктового дерева – Persea, и священный источник, который до наших дней называют «Источник Солнца» ('Am Shams) и в котором солнце, как уверяют, или само купалось по утрам и вечерам, или родилось в начале мира, когда оно поднялось из первозданного водного хаоса. Так, озерцо было не просто символом, но подлинным следом первозданного потока [38 - «Великий (космический) источник» в Гелиополе («Pyr.» 810).]. Такие священные озера в подражание этому создавали во многих святилищах, так же как священное дерево Гелиополя имело местные параллели.

Рис 12. Тот в виде павиана

Рис 13. Павианы приветствуют солнце:

а – над небесной колонной;

б – в Небесном древе

Во всех святилищах солнца на присутствие бога на земле указывали единичные или двойные воспроизведения солнечной ладьи, которые часто представляли собой громадные сооружения из камней или кирпичей, хотя в основном их делали из дерева, и их можно было переносить. Жрецы могли имитировать дневное и ежегодное движение солнца в торжественной процессии, когда они несли или тащили ладью вокруг храма или пускали ее плыть по находящемуся поблизости священному озеру.

Как выясняется, наиболее тесно взаимодействовал с солнцем его помощник Тот (луна), который также исцеляет поврежденный или вырванный глаз солнца. Богов доисторических столиц разделенного Египта, Буто и Иераконполя, представляли в виде человеческих фигур с головами сокола или шакала [39 - См. три сокола из Педепы (Буто) и три шакала из Нехена (Гиераконполя), эти последние животные из «Соколиного города» образуют странное несоответствие своим именам (Lepsius. Denkmaler. iv. 26, 77, 87).] и также называли «владыками востока». Исходя из того, что их описывают как приветствующих каждое утро солнце, некоторые ученые увидели в этом намек на вопли, которыми животные дикой природы как будто радостно приветствуют восходящее светило. Павианы, согласно египетскому представлению, таким же образом приветствуют молитвами и гимнами солнце на восходе, также прощаются с ним на закате и даже встречают, сопровождают его и помогают солнцу, когда оно путешествует по подземному миру [40 - Для имени этих павианов, Хету (женский род Хетет, «Pyr.», 505), см. H. Schafer, в AZ xxxi. 117 (1893) и Lanzone. Dissionario. P. 505. Священные обезьяны, похоже, были немного другими. Самки мартышек окружают Утреннюю звезду («Pyr.», 286). Относительно четырех павианов Тота, особенно как судей и стражей осужденных душ, см. в главе 10.]. Так что их функция, похоже, развилась из роли Тота, как помощника бога-солнца, а соколы и шакалы, уже упомянутые подобным образом, скорее нуждаются в мифологическом объяснении.

Рис. 14. Павианы, приветствующие утреннее солнце. Солнце поднимается в восточных горах из атрибутов Осириса

Другие боги, связанные с природой

Примечательно, что луна, которая играла такую важную роль, к примеру, в Вавилоне, у египтян никогда не соперничала с солнцем [41 - Луна как отец небесного бога («Руг.», 1104) является отдельным представлением.]. Издревле ее идентифицировали с белым богом-ибисом Тотом (ранее Zhouti, Dhouti), местным божеством Шмун(у) – Гермополя, который в итоге стал богом счета и письма и, будучи секретарем сообщества богов, действовал в качестве судьи богов и людей [42 - Таким образом, он должен соответствовать планете Меркурий в мифологиях других народов (см. коммент. 63, на Sebgu). Финикийская мифология одолжила его имя под формой Таут как изобретателя письменности]. Причина ясна: фазы луны – наиболее легкий измеритель времени для первобытного человека. Точно так же, когда Тот проявляет заботу о пораненном глазе солнечного или небесного бога и излечивает или водворяет его на место, подспудная идея, похоже, состоит в том, что луна регулирует такие катаклизмы, как затмения. Не менее убедительно, однако, это можно истолковать иначе: что луна, будучи вторым глазом небесного бога, является просто более слабым вторичным появлением солнца ночью.

Рис 15. Тот

Некоторые ученые некогда искали объяснение формы ибиса в имеющей форму полумесяца клюве птицы, но такие объяснения тускнеют, когда мы обнаруживаем павиана, рассматриваемого как еще одно (несколько более позднее?) воплощение того же самого бога мудрости. Так что этот вид бабуина является не только особым другом бога-солнца, но также богом мудрости, покровителем писцов и ученых [43 - Позднее Тота в виде павиана называли «Esden», как в Дендере. Но это название, похоже, является просто испорченным копиистом Esdes, именем бога, который упоминается вместе с Тотом как мудрый советник и судья (о собрании некоторых ранних отрывков относительно Esdes см.: Егтап. *Gesprach eines Lebensmtiden mit seiner Seele*. P. 28). Эти двое были впоследствии смешаны. Esdes представляли как имеющего голову волка или шакала (Mariette. *Denderah*. iv. 21; ср. также: Champollion. *Notices*, i. 417; Lepsius.

Denkmaler. i. 100; Diimichen. Patuamenap. iii. 28). Возможно, что он был более древним богом какого-то некрополя, который когда-то колебался в отождествлении между Тотом и Анубисом, поскольку оба были судьями мертвых. Если бы мы были уверены, что он первоначально имел облик павиана, мы могли бы утверждать, что он был тем богом, который передал этот символ Тоту.]. Тота иногда изображают плывущим, как солнце, в ладье по небесному океану. Первоначально, подобно богам-соколам Ра и Гору, его представляли летящим по небу в виде белого ибиса.

Рис 16. Тот-писец

Рис 17. Тот в виде павиана, бог-луна и писец богов

В период Среднего царства [44 - Даже в этот период Хонсу иногда идентифицируют с секретарем Тотом (Егтап. Gesprach, 27).] также Хонсу, наименее важный член фиванской триады, приобрел характер бога-луны, потому что объединение Амона-Ра (солнца) с Мут(небом) привело к теории, что луна является их ребенком [45 - Так в Омбосе Хонсу появляется как сын солярного Себека и Хатхор (неба).]. Хонсу обычно представляли в человеческом образе, с локоном сбоку, что указывает на его юность. Но позднее, подобно Гору, у него иногда появляется голова сокола, и он также становится очень похожим на Пта. Хотя его часто приравнивают к Тоту, голова ибиса у него встречается редко. Таким образом, символ, иногда относимый к нему, далеко не объяснен (если только он не принадлежит другому богу), и весьма сомнительно, представлен ли он двуглавым быком с одним телом [46 - Символ двойного быка имеет ценность khens (например, «Руг.», 416, как созвездие, связанное с охотой) и подобным образом, похоже, также появляется среди созвездий на магических жезлах. О другом символе см.: Dua, гл. 7, коммент. 21.]. Его имя, похоже, означает «странник, скиталец», и возможно, по этой причине греки идентифицировали его с Гераклом.

Рис 18. Хонсу – бог-луна

Мы уже отмечали, что, по представлению египтян, небо является водой и образует продолжение Нила или океана, по которому солнечная ладья прокладывает свой путь. Неясно, как это согласуется с параллельной, хоть и более редкой, идеей, что небо – металлическая крыша, представлением, которое, вероятно, возникло из наблюдений за метеоритами. Иногда только центр неба, трон его господина, считали сделанным из металла, в то время как другие тексты говорят о «солнечной ладье, плывущей по металлу», как будто это происходит под небесными водами.

Эта концепция металлического свода объясняет некоторые выражения более позднего времени, такие как название железа, «be-ni-pet» («небо-металл») или более позднее слово для грома, «khru-bai» (буквально «звук металла»).

Рис 19. Колонна неба

То есть гром, очевидно, объясняли как удары по большим листам металла, которые образовывали небо. Эта небесная крыша, как полагали, покоилась на четырех громадных колоннах, которые обычно рисовали как подпорки с раздвоенными наверху зубцами. Реже их изображали как горы или (в самый поздний период) как четырех женщин, поддерживающих небо [47 - Об этих женских колоннах см.: Mariette. Denderah. ii. 55; DeMorgan. Ombos. i. 254.

Существовали и другие концепции неба, которые были менее популярны. Так, из частого представления лестницы, ведущей к небесным высотам («Pug.», 472 и пр.), развилась мысль, что небо само является громадной лестницей (там же, 479), соответствующей громадному лестничному маршу солнца в других

текстах. Многие из этих представлений еще не ясно поняты. Теория нескольких наложенных друг на друга небес (как на рис. 47) встречается редко; но «Pur.», 514, «он объединил небеса», и «Pur.», 279, 541, «два неба», могут относиться к противоположным небесам верхнего и подземного мира.]. Небо могли также объяснять как громадную лестницу (по большей части двойную), по которой, как предполагали, ежедневно поднимается и спускается солнце (ср. рис. 9).

Рис 20. Бог-солнце на своей лестнице

Еще одна ранняя концепция описывает небо как громадное дерево, осеняющее землю, звезды – плоды или листья, свисающие с его ветвей. Когда «боги усаживаются на его сучьях», их, очевидно, идентифицируют с звездами. Небесное дерево исчезает утром, и бог-солнце поднимается из его листьев. Вечером он снова прячется в его листве, и дерево (или его двойник в вечернее время) вновь раскидывает ветви над миром. Так что триста шестьдесят пять деревьев символизируют год или два дерева символизируют его поворотные точки, или ночь и день [48 - «Pur.», 1433 и пр.].

Рис 21. Умершая является свидетелем рождения солнца из Небесного дерева

Эта мысль о небесном или космическом дереве или деревьях, которая встречается у многих народов, также предполагает идею древа жизни, плоды которого, считалось в Египте, как и везде, сохраняют вечную юность и мудрость в богах и избранных душах умерших. Древо судьбы, листья или плоды которого символизируют события или жизни людей, представляет ту же самую мысль: прошлое, как и будущее, записано в звездах. Осириса, как бога неба, часто отождествляют с Небесным деревом или с какой-то важной частью его или связывают с его фруктами или цветами. Египетская теология пыталась определить земной аналог этого дерева и находила его в дереве с самыми раскидистыми в Египте ветвями – сикоморе.

Рис 22. Ладья-солнце и два Небесных дерева

Рис 23. Умерший у Древа и источника жизни

Реже его уподобляли финиковой пальме или тамариску. Иногда это была ива, которая растет так близко к воде, что ее можно ассоциировать с Небесным деревом, поднявшимся из бездны или из вод Осириса. В связи с мифом об Осирисе, однако, дерево в основном является священным фруктовым деревом (Persea), или (возможно, позднее) благоухающим кедром, произрастающим в отдаленных горах Азии, или виноградной лозой, через плоды которой любовь и смерть вошли в мир. В качестве дерева судьбы оно является священным фруктовым деревом Осириса. Эти сравнения можно отнести к неизбежным попыткам связать удивительное дерево на земле с земными деревьями. С развитием идеи его изображали расположенным в части неба. Таким образом, на «великом острове в Полях Жертвоприношения, на котором отдыхают великие боги при никогда не исчезающих звездах», между океаном и небом, между высшим и подземным миром явно расположено древо жизни, которое видят умершие при переходе из одного царства в другое. Как мы уже говорили, наиболее известным из земных воплощений этого древа было священное фруктовое дерево Гелиополя, которое мы видим, например, на прилагаемом рисунке. Но центральное святилище каждого нома имело свое священное дерево, которое, возможно, всегда было призвано символизировать небо. В этих земных двойниках было представлено еще большее число ботанических видов, чем те, о которых мы упомянули.

Рис 24. Амон как высшее божество записывает царское имя на «Священном фруктовом дереве во дворе солнца»

При персонификации неба его представляли существом женского пола, так как слово «pet» («небо») женского рода. Вследствие этого небо сравнивали с женщиной, склонившейся над землей (рис. 35, 47), или с коровой, чьи ноги соответствуют четырем колоннам, поддерживавшим свод (рис. 27) [49 - Самые древние тексты говорят чаще о диком небесном быке, несмотря на египетский род слова pet. И это также, похоже, объясняет, почему так много богов (особенно божеств небесного характера) появляется в форме черного быка, поскольку черный и темно-синий воспринимались как один и тот же цвет. В «Руг.», 470, например, упоминается небесный бык с четырьмя рогами, по одному для каждой точки опоры. Соответственно, в более ранней традиции Осирис часто имеет облик быка. Таким образом, все представление, похоже, заимствовало из стран дальнего севера, где мычание неба, то есть гром, было более обычным явлением, чем в Египте.]. Богиню Хатхор [50 - Более поздняя египетская теологическая интерпретация этого имени как «(небесного) дома Гора», то есть богини, которая содержит бога-солнце в его скитаниях, филологически невозможна. Первоначально термин мог означать не что иное, как «храм с лицом», то есть со шкурой коровы, прибитой над входом, чтобы отгонять злых духов. Голова коровы или быка как религиозного символа во всем Древнем мире может быть прослежена отчасти до египетской персонификации неба и отчасти до более древних азиатских мотивов. Позднее первоначальное значение больше не понимали в большинстве стран за пределами Египта, и голова коровы или быка стала просто украшением, хотя «bucranium» (орнамент в виде бычьей головы) все еще, похоже, использовали предпочтительно для религиозного украшения во всем Древнем мире (см.: E. Lefebure, «Le Bucrane» в «Sphinx», x. 67-129 (1906).] из Дендеры, чьим символом вначале была голова или череп коровы, который приколачивали над дверью храма или на колонне, очень рано превратили в богиню неба в виде коровы. И многие другие божества женского пола, ассоциировавшиеся с небом, – особенно Исида – указывали в рисунках на свою небесную природу тем, что носили рога или даже голову коровы.

Рис 25. Символ Хатхор

Популярный символ Хатхор представлял странное смешение человеческого лица и коровьей морды, обнаруживая таким образом, как давно бок о бок должны были сосуществовать человеческая и животная персонификации. Как символ неба, это небесное лицо, вероятно, подчеркивало, что солнце и луна являются его глазами, хотя богиня более часто представлялась только главным глазом небесного бога, солнцем. В образе коровы богиню обычно изображали несущей между рогами солнце, она появлялась среди цветов и растений, то есть в зарослях, аналогичных зеленой листве Небесного дерева, которое отправляет в путь солнце утром и прячет его вечером [51 - «Зеленый луч» над горизонтом используется как объяснение современными учеными, но ежедневное восхождение и смерть солнца в зеленом океане предпочитали, кажется, использовать как более естественное объяснение. Египтяне, однако, едва ли признавали его происхождение от «зеленого». Представление о зеленой постели солнца и молодого солнца в зеленых зарослях Дельты, в которых, как говорили, иногда живут боги, имеется в истории Исиды («Руг.», 1784 и пр.). Малахитовый порошок падает со звезд («Руг.», 567), так же как синий ляпис является небесным по происхождению (там же, 513). Связывали ли преднамеренно богиню Хатхор, как покровительницу малахитовых копей на Синайском полуострове (и «Малахитового города» Мефкат в Египте), с зеленым цветом, менее определенно, потому что Хатхор также правит всеми другими странами. С другой стороны, особым металлом для азиатской царицы неба (Астарты и др.) является медь, от которой произошел зеленый цвет Древнего Востока. Но мы не уверены, является ли это объяснение первичным или вторичным. Равным образом, мы не можем объяснить, почему звезды, которые покрывают тело небесной коровы в Египте, обычно имеют четыре луча, в то время как все другие звезды изображают с пятью лучами. Четыре – особое небесное или космическое число (см., например, коммент. 7 о колоннах неба).].

Рис 26. Хатхор у вечернего входа западной горы и зеленых зарослей

Рис 27. Бог-солнце между рогами небесной коровы

Эти растения появляются на восточной и западной гряде гор, откуда бог-солнце поднимается на заре или куда он уходит вечером. В течение дня он путешествует под брюхом коровы или на ее спине или же бродит только между ее рогами, которые тогда символизируют дневные и годовые границы его курса, по аналогии с двумя обелисками, или с двумя горами вселенной, или с двумя деревьями и т. д. Считалось, что солнце может также прятаться в теле небесной коровы в течение ночи. Тогда оно входит в ее рот вечером и вновь рождается из ее утробы утром. Таким образом, оплодотворением через рот бог-солнце «порождает себя» каждый вечер и называется «быком своей матери», то есть своим собственным отцом – название, которое часто используют в гимнах. Поскольку Хатхор носит солнце, ее самое можно рассматривать как солнечное божество.

Рис 28. Умерший встречает Хатхор позади Небесного древа

Как владычица неба, восседающая среди зеленых лучей, Хатхор могла находиться внутри Небесного древа или могла быть идентична ему, из него она давала небесную пищу и питье душам мертвых, и, таким образом, ее изображали как дарующую им вечную жизнь. Ее четыре иссиня-черных косы были развешаны по небу или образовывали его, при этом каждая коса отмечала точку опоры. Иногда эти косы также присваивают Гору, как небесному богу и мужскому Хатхор. Мифологическая фантазия во многом, похоже, была связана с этой волосяной сетью, прекрасной, но опасной, нежной, однако сильной, с сетью, которая окружает весь мир [52 - Когда одежду богини образует шкура леопарда (Mariette. Denderah. iii. 40), она уподобляется богине судьбы.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О коллекции монотеистических выражений, которые, однако, зачастую ошибочны, см.: Pierret. Mythologie. viii; Brugsch. Religion. P. 96; Budge. Gods. P. 120 ff. О действительном приближении к монотеизму см. гл. 13.

2

«Der ageptische Fetischdienst und Gotterglaube» в Zeitschrift fur Ethnologie, x. 153-182 (1878). Ей предшествовала работа известного французского ученого С. De Brosses, «Du culte des dieux fetiches». Paris, 1760.

3

Если бы влияние оказали азиаты, которые вошли в Египет в значительном количестве, такие завоеватели или иммигранты оставили бы религию коренных жителей совершенно нетронутой, о чем свидетельствуют повторяющиеся параллели в более поздней истории Египта. Это объяснение поспешного развития Египта является, однако, в настоящее время просто гипотезой, которой недостает подтверждения в памятниках.

4

В подобном виде костюм царей представлял реминисценции первобытного периода, в таких украшениях, как длинный хвост, привязанный к их кушкам,

или варварские короны.

5

См.: Maspero G. The Dawn of Civilisation. London, 1894. P. 121. Вообще говоря, считалось, что все змеи воплощают духов, а ту, что упомянута в настоящей связи, можно рассматривать как воплощение богини урожая Рененутет.

6

Во многих текстах использовали фразу «духи города» вместо «его боги», в особенности для некоторых из самых древних городов, двух самых древних столиц, Буто и Гиераконполя (Педеп и Нехен). Похоже, существовало архаическое выражение, которое использовали с особым уважением. Возможно, оно имело более общее значение, чем «боги». «Pug.», 561 используют слово «ка» для обозначения «душа Ра», то есть слово, которое сознательно применяли, говоря о душах умерших. В других отношениях божественный характер всех отлетевших душ не является таким ясным, как в других анимистических религиях.

7

Каждый египетский ном имел одно или два собственных табу. Так, в одном месте местной «гадостью» считали мед, в то время как в других табу были особые куски мяса, такие как печень или даже задние части всего скота. Во многих местах запрещено было упоминать голову или кровь, но, поскольку употребления обоих слов, похоже, избегали во всем Египте, можно предположить, что запрет особенно строго соблюдался в определенных местах, и это же относится к некоторым сексуальным грехам, упомянутым в списках табу нома. Многие запреты, должно быть, происходили от табу благочестия, как, например, нанесение вреда овце, которое было запрещено в одном районе.

Конечно, резко отрицательное отношение к соколу, зафиксированное в одной местности, не означает его нечистоты, поскольку птица считалась священной во всех областях Египта. Другие случаи, как, например, с гиппопотамом, газелью и пр., следует, видимо, понимать как следствие проклятий. «Зажигать свет днем» также объявлялось местным грехом. Все в целом, таким образом, во многом остается неясным.

8

Религия Вавилона точно так же предоставляет безошибочные свидетельства первоначальной анимистической основы, хотя она раньше адаптировалась к космическим теориям и лучше систематизирована, чем религия Египта. Ученые часто пытались найти следы тотемизма в символах богов, городов и районов Египта. Такая интерпретация особенно соблазнительна, когда эти эмблемы, прикрепленные к знамени как герб номов, представляют животное или растение. Единственное, о чем мы можем с уверенностью заявить, что египтяне в исторический период не знали тотемного объяснения этих символов. Их применение было всеобщим или местным, но никогда не родовым, подобно тотемным символам первобытных народов. Об интерпретации тотемизма в целом в настоящее время ведутся споры и дискуссии.

9

Такие триады также имелись в Вавилоне. Совершенно неправильно называть египетскую или вавилонскую триаду троицей в христианском смысле.

10

Иногда фиванской триадой считались Амон, Амонет и Мут. В этом примере младшее мужское божество Хонсу, которое входило в триаду, здесь заменено Амонет, чтобы избежать превышения традиционного числа три.

11

Так всегда писали в период Древнего царства. Только в более позднее время имя приобрело значение «Владыка Запада» (то есть царства мертвых, *amentet*) или «Тот, кто перед своими (!) жителями Запада» («Руг.», 285).

12

Весьма вероятно, что благоговение перед произнесением священного имени позднее исчезло. Мы не обнаружим такого трепета в исторический период Египта, когда божественное имя использовали (и поносили) прямо пропорционально его святости. С другой стороны, имена некоторых древних богов, похоже, исчезли в очень ранний период. Так, крокодил со страусовым пером, которому когда-то поклонялись в Дендере, оставался на штандарте нома, но его имя было настолько забыто, что позднее его держали как символ покорения Сета (здесь смело идентифицированного с Себеком) Гором (в этом примере пояснением является символическое перо; см.: Mariette. *Denderah*. iii. 78). Божественное имя разошлось по трем противоречивым путям («Руг.», 1017, 1719 и пр.), так что мы должны заключить, что оно было незнакомо посвященным уже в 3000 г. до н. э., могло иметь много параллелей в именах двойного проявления или чтения в самых ранних иероглифических надписях.

13

Mariette. *Les Mastaba*. P. 112; Lepsius. *Denkmaler*. iii. 279 (около Мемфиса?).

14

О его более поздней роли в мифе об Осирисе как сыне, вновь воплотившемся, и мстителе за Осириса см. ниже в главе 5, где критикуется популярная сейчас теория, что крылатый диск Эдфу является самой ранней формой Гора

15

Интерпретация, очевидно, основана на этимологической связи с корнем *khoper* «становиться, быть образованным». Эта этимология ведет также к объяснению имени как «Тот, кто образует себя, рожденный самим собой», как позднее называли бога-солнце. О самой ранней орфографии, *Khperer*, см.: «Pug.», 1210, 2079.

16

Локализация Хепри в Гелиополе едва ли первична, так как Атум был более ранним солярным богом этого места.

17

Некоторые тексты, похоже, понимают, что два *sekhnui* солнца должны быть сходнями или чем-то в этом роде. «Pug.», 337 говорят, например: «Сбрось две сходни (*sekhnui*) с неба для бога-солнца, чтобы он мог плыть к (восточному) горизонту». Затем их число удваивается, и они располагаются на четырех основных точках (см.: «Pug.», 464). «Эти четыре чистые сходни спускают для Осириса, когда он идет на небо, плывя под парусами к прохладному месту». Позднее их имена перенесли на четыре колонны неба. Первоначальное значение слова, похоже, очень скоро сделалось неясным. На самых ранних рисунках ясно (Petrie. *Royal Tombs*, ii, таблицы X–XI), что это плетеная циновка, свешивающаяся с кормы солнечной ладьи.

18

Очень позднее искусство даже пытается превратить это в занавес из бусин или украшение, символизирующее лучи солнца (например, Beneedite. Philae, таблица XLIII); это может выглядеть также как черная табличка, украшенная звездами (Папирус Ани).

19

«Руг.», 1209. Цифровой символизм интересен.

20

Позднее это выражение теряет свою первоначальную силу, так что все праведные умершие ожидали, что присоединятся к избранным, которые плывут в ладье солнца.

21

Vonomi и Sharpe. Oimenerthah, таблица XI.

22

Эти войны больше соответствуют более поздней мифологии; см. в главе 5.

Более ранним представлением было, что в течение ночи ладью солнца волокут шакалы «в гору, в потаенное место» (Магический папирус Харриса, 5). Это, как и идея о «шакальях (озерах)» («Руг.», 1164, 1457) или «шакальях полях», в которые опускается солнце, кажется, датируется периодом, когда собака или шакал Анубиса (уже, возможно, идентифицированного с Офоисом) был единственным правителем подземного мира. Ср. шакалов у «озера жизни» (Bonomi и Sharpe. Oimeneptah, таблица VIII). Веревка вокруг шеи таких шакалов-богов, похоже, намекает на буксировку солнечной ладьи.

Позднее, благодаря неправильному прочтению, «пылающий остров» или «остров пламени» толковали как «озеро пламени» или «канал пламени». Первый становится местом мучения для грешников, в то время как последний развивается в тот участок подземного водного пути, где солнце борется со своим дьявольским противником Апопом. Теологи также пытались различать другие части океана, где солнце садится или встает, то есть «озера растущего (или Хепри?) Хекет или Сокара» (Virey. Tombeau de Rekhmara, таблица XXIV). Четыре озера (там же, таблица XXVII) относятся к четырем источникам Нила, как места рождения солнца.

Или Мезе(н)хтет; ср.: P. Lacaue, в RT xxv. 152 (1903), о сомнительном произнесении этого имени.

Это странная черта, поскольку Гелиополь, место поклонения этой последней местной форме солнца, был расположен у восточной границы Дельты, так что можно было бы ожидать, что он представляет утреннее появление. Возможно, что Атум был самой ранней соляризацией местного бога Нижнего Египта, так что он мог представлять старое солнце, совсем как Ра в некоторых из более поздних мифов (см. следующий комментарий).

27

См. мифы, рассказывающие, почему боги удалились с земли (глава 4 (III)). По этой причине наиболее поздние тексты приравнивают Ра к слабому и сброшенному с трона Кроносу классической мифологии.

28

Особое имя, данное этой форме с головой барана, Ef, Euf, еще не может быть окончательно разъяснено. Позднее солнце, снова как Хнума, часто представляют с четырьмя головами барана, возможно по аналогии с четырьмя мифологическими источниками подземных рукавов Нила.

29

Эти номера можно проследить до деления месяца на семь и четырнадцать, которые соответствуют и солнечной, и лунной хронологии.

30

См.: Lefebure?. Le Mythe osirien. i. Les Yeux d'Horus. Paris, 1874.

31

Об изображении бога-солнца, сидящего на своей лестнице и с единственным глазом вместо головы, см.: Mariette. Denderah. iv. 78.

32

Трудно определить, до какой степени азиатская концепция планеты Венеры как дочери солнца и женский род солнца в некоторых азиатских языках и религиозных системах могли влиять на египетское развитие в этом отношении.

33

Возможно, что «женское солнце», Re'et или «Re'et двух стран» (Raut-Tayu), произошло из этих двух индивидуализации солнечного ока. Однако это могло быть просто тенденцией к разделению богов, особенно космического характера, на мужское божество и его женскую супругу, как мы находим Амона-Амонет, Анупа-Анупет и пр. Во всяком случае, божество Re'et, которому поклонялись как младшему божеству в Гелиополе и некоторых других местах, имеет обычно человеческую голову, и к нему относятся как к небесной богине, о чем свидетельствует ее голова, снабженная рогами и солнечным диском. Иногда она также является аналогом Тефнут с головой львицы.

34

Первоначальное значение этого символизма иногда понимали неправильно из-за того, что Сет пришел из «золотого города» Омбоса.

35

«Руг.», 391; также 1178. Два обелиска в небе также называли «двумя метками или знаками (то есть границами) могущества» (sekhtui), – фраза, которую позднее египтяне не понимали и переводили механически как «два скипетра» (Spiegelberg W. RTxxvi. 163(1904).

36

О божественном происхождении и почитании всех царей см. в главе 9.

37

Bissing W. von, в RT xxiv. 167 (1902).

38

«Великий (космический) источник» в Гелиополе («Руг.». 810).

39

См. три сокола из Педепы (Буто) и три шакала из Нехена (Гиераконполя), эти последние животные из «Соколиного города» образуют странное несоответствие своим именам (Lepsius. Denkmaler. iv. 26, 77, 87).

40

Для имени этих павианов, Хету (женский род Хетет, «Руг.», 505), см. H. Schafer, в AZ xxxi. 117 (1893) и Lanzzone. Dissionario. P. 505. Священные обезьяны, похоже, были немного другими. Самки мартышек окружают Утреннюю звезду («Руг.», 286). Относительно четырех павианов Тота, особенно как судей и стражей осужденных душ, см. в главе 10.

41

Луна как отец небесного бога («Руг.», 1104) является отдельным представлением.

42

Таким образом, он должен соответствовать планете Меркурий в мифологиях других народов (см. коммент. 63, на Sebgu). Финикийская мифология одолжила его имя под формой Таут как изобретателя письменности

43

Позднее Тота в виде павиана называли «Esden», как в Дендере. Но это название, похоже, является просто испорченным копиистом Esdes, именем бога, который

упоминается вместе с Тотом как мудрый советник и судья (о собрании некоторых ранних отрывков относительно Esdes см.: Егтап. *Gesprach eines Lebensmtiden mit seiner Seele*. P. 28). Эти двое были впоследствии смешаны. Esdes представляли как имеющего голову волка или шакала (Mariette. *Denderah*. iv. 21; ср. также: Champollion. *Notices*, i. 417; Lepsius. *Denkmaler*. i. 100; Diimichen. *Patuamenar*. iii. 28). Возможно, что он был более древним богом какого-то некрополя, который когда-то колебался в отождествлении между Тотом и Анубисом, поскольку оба были судьями мертвых. Если бы мы были уверены, что он первоначально имел облик павиана, мы могли бы утверждать, что он быш тем богом, который передал этот символ Тоту.

44

Даже в этот период Хонсу иногда идентифицируют с секретарем Тотом (Егтап. *Gesprach*, 27).

45

Так в Омбосе Хонсу появляется как сын солярного Себека и Хатхор (неба).

46

Символ двойного быка имеет ценность khens (например, «Pug.», 416, как созвездие, связанное с охотой) и подобным образом, похоже, также появляется среди созвездий на магических жезлах. О другом символе см.: Dua, гл. 7, коммент. 21.

47

Об этих женских колоннах см.: Mariette. Denderah. ii. 55; DeMorgan. Ombos. i. 254. Существовали и другие концепции неба, которые были менее популярны. Так, из частого представления лестницы, ведущей к небесным высотам («Руг.», 472 и пр.), развилась мысль, что небо само является громадной лестницей (там же, 479), соответствующей громадному лестничному маршу солнца в других текстах. Многие из этих представлений еще не ясно поняты. Теория нескольких наложенных друг на друга небес (как на рис. 47) встречается редко; но «Руг.», 514, «он объединил небеса», и «Руг.», 279, 541, «два неба», могут относиться к противоположным небесам верхнего и подземного мира.

48

«Руг.», 1433 и пр.

49

Самые древние тексты говорят чаще о диком небесном быке, несмотря на египетский род слова *pet*. И это также, похоже, объясняет, почему так много богов (особенно божеств небесного характера) появляется в форме черного быка, поскольку черный и темно-синий воспринимались как один и тот же цвет. В «Руг.», 470, например, упоминается небесный бык с четырьмя рогами, по одному для каждой точки опоры. Соответственно, в более ранней традиции Осирис часто имеет облик быка. Таким образом, все представление, похоже, заимствовали из стран дальнего севера, где мычание неба, то есть гром, было более обычным явлением, чем в Египте.

50

Более поздняя египетская теологическая интерпретация этого имени как «(небесного) дома Гора», то есть богини, которая содержит бога-солнце в его

скитаниях, филологически невозможна. Первоначально термин мог означать не что иное, как «храм с лицом», то есть со шкурой коровы, прибитой над входом, чтобы отгонять злых духов. Голова коровы или быка как религиозного символа во всем Древнем мире может быть прослежена отчасти до египетской персонификации неба и отчасти до более древних азиатских мотивов. Позднее первоначальное значение больше не понимали в большинстве стран за пределами Египта, и голова коровы или быка стала просто украшением, хотя «bucranium» (орнамент в виде бычьей головы) все еще, похоже, использовали предпочтительно для религиозного украшения во всем Древнем мире (см.: E. Lefebure, «Le Bucrane» в «Sphinx», x. 67-129 (1906)).

51

«Зеленый луч» над горизонтом используется как объяснение современными учеными, но ежедневное восхождение и смерть солнца в зеленом океане предпочитали, кажется, использовать как более естественное объяснение. Египтяне, однако, едва ли сознавали его происхождение от «зеленого». Представление о зеленой постели солнца и молодого солнца в зеленых зарослях Дельты, в которых, как говорили, иногда живут боги, имеется в истории Исиды («Pug.», 1784 и пр.). Малахитовый порошок падает со звезд («Pug.», 567), так же как синий ляпис является небесным по происхождению (там же, 513). Связывали ли преднамеренно богиню Хатхор, как покровительницу малахитовых копей на Синайском полуострове (и «Малахитового города» Мефкат в Египте), с зеленым цветом, менее определено, потому что Хатхор также правит всеми другими странами. С другой стороны, особым металлом для азиатской царицы неба (Астарты и др.) является медь, от которой произошел зеленый цвет Древнего Востока. Но мы не уверены, является ли это объяснение первичным или вторичным. Равным образом, мы не можем объяснить, почему звезды, которые покрывают тело небесной коровы в Египте, обычно имеют четыре луча, в то время как все другие звезды изображают с пятью лучами. Четыре – особое небесное или космическое число (см., например, коммент. 7 о колоннах неба).

52

Когда одежду богини образует шкура леопарда (Mariette. Denderah. iii. 40), она уподобляется богине судьбы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/myuller_maks/mify-drevnego-egipta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)